

Алена Яворская

«Неодолимая сила заставила меня свернуть на Французский бульвар...»

1870 год – «Дорога к Малому Фонтану», 1876 – «Мало-Фонтанская дорога», 1902 – «Французский бульвар», 1920 – «Пролетарский бульвар», 1941 – «Французский бульвар», 1944 – «Пролетарский бульвар», 1990 – «Французский бульвар». Так выглядит история переименований самого прославленного и самого длинного из одесских бульваров.

«За пределами Одессы было несколько оазисов-дач: де Ришелье <...> на Малофонтанской дороге, там же <...> Рено, где Пушкин будто бы прощался с Черным морем. <...> По Малофонтанской дороге были лужи, похожие на озера, где лицеисты охотились за дичью; поздно вечером здесь проходить было далеко не безопасно», – так писали о первых годах знаменитого Французского бульвара, когда он еще назывался Малофонтанской дорогой. И было это в начале двадцатых годов девятнадцатого века.

А спустя сто лет, в двадцатом веке, Французский бульвар стал одним из главных символов Одессы наряду с оперным театром и Потемкинской лестницей.

Кем же были первые «дачевладельцы», или «хуторяне», – в те годы еще писали не «дачи», а «хутора», – застраивавшие пустынную и дикую окраину молодого города в начале девятнадцатого века?

Итак, хутор городского коменданта Фомы Кобле, или Коблиньки, как его любовно называли. Сам он там почти не бывал, предпочитая сдавать хутор. Здесь жил градоначальник граф А.Д. Гурьев, и здесь же 23 июля 1823 года он дал парадный обед в честь приезда в Одессу графа М.С. Воронцова.

Соседом Кобле был Осип Россетти, отец знаменитой Александры Смирновой-Россет, которая вспоминала: «Хутор наш считался лучшим. Отец мой сам сажал, прививал деревья, даже развел виноградники и посадил тополя».

Участок барона Ивана Рено. О доме Рено писали в «Одесском альманахе» за 1831 год: «Высокий берег, как стена, окружает сию прекрасную дачу, служа преградою ветрам, <...> благоухающая акация, абрикосовые деревья, кусты черешни весною подобны огромным кораллам». Спустя двадцать с лишним лет Константин Зеленецкий напишет: «...большая дача, которая долго была известна под именем хутора барона Рено и которая принадлежит теперь разным владельцам. Она красовалась, особенно во время бывшего своего владельца, большим домом с несколькими флигелями, густыми рощицами, роскошными аллеями и беседками, среди которых стояли мраморные статуи Венер, Фавнов, Аполлонов, гениев, выписанные из Италии». По одесской легенде, именно здесь встречался Александр Пушкин с графиней Елизаветой Воронцовой и здесь же написал он «Прощай, свободная стихия...».

Рядом с Рено, на хуторе грека Антония Фиогности, жила княгиня Вера Вяземская, писавшая мужу: «Чтобы добраться до дому, мне надо последние полверсты идти домой пешком, так как хутор стоит на такой круче, куда никакой экипаж не может подняться».

Были там хутора князя Николая Кантакузена и купца Рашковича (на котором был один из одесских фонтанов), а два хутора принадлежали Ришельевскому лицу.

Неподалеку от хуторов-дач, по Малофонтанской балке, были бойни и салотопенные заводы, так называемые «салаганы», где забивали скот для Старого базара.

Самое подробное описание Малофонтанских хуторов принадлежит польскому писателю Юзефу Игнаци Крашевскому, побывавшему в Одессе летом 1843 года:

«Сразу за рынком, в степи, начинался большой сад, прорезанный прекрасными улицами из акаций. Подросшие деревья еще невысоко его затеняют. Сквозь зеленые насаждения просвечиваются домики, площадки, лужайки и баштаны,

из которых состоят хутора. Хутора делятся по своему расположению на степные и находящиеся над морем. Последние – самые прекрасные. <...>

Как здесь много красивых строений! Не знаю, почему (ведь те же самые материалы находятся и в других местах), но местные строения сооружаются с большим вкусом. Посередине небольшого леса, называемого здесь Ботаническим садом, пересеченного улицами и тропинками и занимающего, не скажу сколько тысяч десятин земли, находятся домики: для работающих здесь людей, для директора и даже кафе. Сад этот является общественным.

<...> широкой улицей, по краям которой была высажена густо выросшая акация, мы ехали дальше осматривать хутора, занимающие огромные площади вместе со своими плантациями, баштанами, виноградниками и садами. Они снабжают город частью необходимых овощей и фруктов. Начиная от маленьких домиков до дворцов – всего здесь много. Сначала повстречался нам хутор Сафонова с высоким домом в готическом вкусе, бельведером и оранжереей. Издали он показался мне заброшенным и неухоженным. Далее хутора Маврокордато, Папудова и других. Все эти хутора – степные. Мы зашли в сад прекрасной виллы Папудова, которая за исключением растительности напоминала маленькую итальянскую виллу. В полностью засаженном акацией саду стоят белые мраморные скульптуры и роскошный чистый домик, обставленный цветами в белых мраморных вазонах. Окружают его виноградники и фруктовый сад. Тихо и пусто было здесь, но приятно и свободно. Воздух (смесь степного и обжигающего морского) наполнял мою грудь. <...>

В пути осмотрели несколько степных хуторов с их маленькими дворцами в зеленых садах акаций, которым, при всей их красоте, не хватает более взрослых и прекрасных деревьев. А затем повернули к морю, в направлении хутора Рено, известного своей красотой. Ее величество императрица проживала здесь какое-то время. Принадлежит он сейчас князю Кантакузену, женатому на госпоже Рено.

Рено расположен над самым морем. Мы остановились на взгорье, которое было крутым, высоким и обрывистым. Оно опуска-

лось к морю, последним к нему спуском со стороны земли. Затем крутой тропинкой мы отправились уже пешком и оказались в небольшом саду, заслоненном с северо-запада скалой и разместившемся над самым морским берегом. <...>

Хутор Рено (самый известный в Одессе своим положением) не представлял бы собой абсолютно ничего особенного без морского берега, к которому он прижимается. Лес акаций, в котором несколько запутанных тропинок, старый и некрасивый домик, садик, украшенный каменными лавками, скульптурами, вазонами (сильно испорченными невнимательным отношением), беседками, птичником, фонтанчиком, болотистым прудом с пресной водой, которая чистыми каплями стекает отсюда в горько-соленую пропасть моря, – вот и всё!

Во всем этом садике (который красоту свою теряет из-за запущенности) самое удивительное место – это маленькая бухточка. Здесь море, обрывая скалистый берег, в удивительный, фантастический способ подточило мягкий камень и продолжает бить, заканчивая свой труд уничтожения.

<...> Что это за прекрасное место – со своими обрывами, бухточкой и далеким видом на море! <...> Перед тобой высокая скала, а между нею и тобой расположился зеленый садик. Я и отходил, и возвращался. Мне, так немало повидавшему в жизни, вид этот казался таким живописным и таким чудесно прекрасным!»

Нумерации в те годы не было, лишь номера участков. А позднее дачи начали делить, продавались уже не целые дачи, а отдельные участки, история тех лет темна и запутанна, о ней много и подробно писали Олег Губарь и Сергей Котелко (сайт «Путешествуя историей»).

Вспоминая классика, можно сказать, что у Малофонтанской дороги середины девятнадцатого века «Еще есть недостаток важный; / Чего б вы думали? – воды».

И действительно, «...у Малеого Фонтана с половины 1870-х годов, то есть тотчас после устройства водопровода, стали с удивительной быстротой развиваться прекрасные частные дачи, <...> что совершенно изменило характер этой некогда пустынной местности. До сооружения водопровода здесь существовало всего

несколько больших и благоустроенных дач (Кортацци, Маразли, Ралли, Родоконаки) на содержание, и особенно на орошение которых владельцами затрачивались огромные денежные средства», – из книги «Одесса 1794-1894».

По Малофонтанской дороге кроме дач были самые разные заведения.

Показательна история возникшего в 1819 году Ботанического сада, «самого обширного из принадлежащих городу». Для разведения сада пригласили из Франции ботаника Десмета, положив ему жалованье 3.600 рублей в год.

17 ноября 1819 года граф Ланжерон торжественно посадил там первое дерево.

С 1820 сад стал именоваться Императорским, в нем росли лиственные и хвойные деревья, прижились и японские, и североамериканские саженцы.

Но постепенно казна распродает часть территории, и сад приходит в упадок. Лиственную и хвойную рощи огораживают, а на остальной территории одесситы устраивают пикники, располагаются «по-домашнему, с самоварами и провизией, устраивают игры и хороводы и веселятся без стеснений».

На огромной территории Ботанического сада нашлось место и для городского сиротского дома. «Городской сиротский дом, просуществовав немного менее, чем сам город, <...> дал государству многих полезных деятелей на разных поприщах, он вправе гордиться некоторыми из своих воспитанников, известных всей России», – писали авторы книги «Одесса 1794-1894». В той же книге сообщалось о сооружении в 1887 году в Ботаническом саду однокупольной Николаевской церкви на средства М. Трушевского по проекту Ф.В. Бернардацци. «Первоначальный проект этой церкви в русско-византийском стиле был очень красив, но при исполнении работ были сделаны значительные изменения. В настоящее время храм перестраивается архитектором Прокоповичем и, между прочим, сооружается совершенно новая кирпичная колокольня».

В 1892 году одесская Дума безвозмездно отводит место в том же Ботаническом саду для строительства «Убежища для бесприютных и отбывших наказание». Наследники Л.А. Марковского пере-

дали на строительство 10.000 рублей, и за шесть месяцев было выстроено двухэтажное здание с прилегающими мастерскими. Убежище предназначалось для совершеннолетних и несовершеннолетних, отбывших наказание, малолетних до 14 лет, судом освобожденных от наказания, сирот и бесприютных детей-сирот. А в начале XX века на территории Ботанического сада был устроен питомник Одесского общества применения собак на санитарной службе.

С 1892 года в собственном доме на даче Матвея Николаевича Маврокордато разместилось училище слепых – владелец, сам полуслепший, пожертвовал часть дачи училищу.

По Малофонтанской дороге размещалась Евангелическая больница, устроенная местным Евангелическим обществом по инициативе пастора Бинемана. Проект ее был создан в Берлине архитекторами Шмиденом и Шперером и видоизменен одесским архитектором Бернардацци. Одноэтажное кирпичное здание с черепичной кровлей было построено в 1892, а женский корпус – в 1894 году. Лечили там всех больных, без различия национальностей и вероисповедания. «Много света и воздуха, прекрасная искусственная вентиляция в связи с паровым отоплением, не роскошная, но изящная и вполне комфортабельная обстановка», – так описана больница в книге «Одесса 1794-1894».

На Университетской даче, по дороге к Малому Фонтану, была построена магнитно-метеорологическая обсерватория.

Удивительно, но рядом с дачами еще с 1870-х годов работал кирпичный завод, которым владели совместно Рафалович и Трабботти, а до них граф Стенбок-Фермор. Кирпичи этого завода ценились выше других, отсюда и название – Кирпичный переулок. Возможно, из кирпичей этого завода сложен забор Удельного ведомства, покрытый в советское время не одним слоем краски. Старые одесситы объясняли это тем, что на каждом кирпиче был вытеснен могоновид – шестиконечная звезда Давида.

Фабрики и заводы Малофонтанской дороги перечислил в книге «Торг обильный» Ростислав Александров: «Работали, меняли владельцев, закрывались «Гамбургская паровая фабрика свинцовых белил, сухих и тертых на масле красок» Берга, мебельная

и паркетная – Марклинга, завод сухой горчицы Миллера, шипучих и фруктовых вод – Старец, химический – Лангрэн и К^о».

Добраться к заводам и дачам можно было на конке. Одесская городская дума в 1895 году постановила: «Признавая желательным, чтобы конечный пункт линии конно-железной дороги «Староконная площадь – Юнкерское училище» был у дачи Рено Малофонтанской дороги, и чтобы движение по всей линии Малофонтанской дороги производилось круглый год, поручить Городской управе войти по этому предмету в соглашение с управлением Бельгийского общества конно-железных дорог».

Город рос, благоустраивался, не оставались без внимания и окраины его. Так, строить «сплошные глухие каменные или деревянные заборы на фасадных линиях Малофонтанской дороги не дозволялось. Постоянные ограды должны быть устроены решетчатые, на каменных цоколях». Это решение Одесской думы, принятое в 1899 году. И Малофонтанскую дорогу украсили изысканные ограды.

Решетки бульвара к середине XX века почти все исчезли – народная молва связывает их пропажу с приездом в Одессу первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Говорят, будто бы то ли он, то ли одесские начальники, высоко оценив кружевное чугунное чудо, перенесли его на свои дачи.

А ведь до этого, в XIX веке, все было ровно наоборот – решение о расширении и благоустройстве Мало-Фонтанской дороги было частной инициативой дачевладельцев и осуществлялось в основном за их счет.

Мало-Фонтанская дорога к концу 1890-х годов «находилась в хаотическом состоянии... многие дачи не имели оград, вместо них имелись безобразные валы, обсаженные акациями», дорога была разной ширины – владельцы дач нередко прихватывали землю к своим участкам, дорога была частично грунтовая, а частично из «местного дикарного камня», слишком мягкого и легко стирающегося.

Городской инженер Василий Зуев, который и стал «крестной матерью» перестроенного бульвара, решил составить проект расширения дороги. Первое совещание об этом с участием го-

родского юрисконсульта Ф.Д. Богацкого и городского землемера А.В. Юргевича состоялось 28 ноября 1897 года.

А почти год спустя, 16 ноября 1897 года, на заседании комиссии по замощению и канализации города с участием дачевладельцев Мало-Фонтанской дороги было принято решение о расширении дороги, с оплатой отчуждаемой земли по 5 руб. за сажень.

Оплата должна была производиться из средств самих дачевладельцев: они вносили по 10 коп. за квадратную сажень своих участков. Среди подписавших это решение были Б. Вальтух, братья Биязо-Мавро, К. Параскева, Санц, Е. Иорини, С. Исакович, Г. Маразли, Анатра, Мазиров, Дурьян, Раухвергер, Руссов, Санценбахер, Шустов. Кстати, Раухвергер безвозмездно отдал участок земли для прокладки линии конки.

Часть владельцев требовали выкупа земли по действительной стоимости. Им возражал Самойло Исакович, даже разместивший письмо о необходимости расширения дороги в «Одесских новостях». Он сравнивал расширение Мало-Фонтанской дороги с перестройкой Парижа, Вены, Берлина. И приводил весомый для прекрасной половины довод: «Если съедутся три экипажа, то лошадиные головы уже срывают шляпки с дамских голов». Представителям сильной половины человечества Исакович напоминал о возрастающей стоимости земли: «Если мы подождем еще несколько лет, то проведение в жизнь этой идеи обойдется еще дороже».

22 февраля 1899 года Городская дума постановила расширить дорогу, приобрета в собственность города необходимые отрезки земли. Все расходы по расширению дороги должны были осуществляться за счет дачевладельцев. Именно они добровольно обложили себя сбором, превращая «скучную узкую дорогу, не приспособленную для пешеходов, в красивую широкую и приятную дорогу с тенистыми аллеями».

Городской голова П.А. Зеленый вошел в историю Одессы как самодур и человек недалекий. Но именно в его предложении в Городскую думу об окончательном устройстве Мало-Фонтанской дороги от 12 февраля 1902 такие замечательные слова: «В настоящее время Одесса, один из самых благоустроенных русских городов, совершенно не имеет никаких мест для таких

прогулок, и горожанам положительно некуда отправиться подышать чистым воздухом, а между тем какая масса жителей лишена возможности пользоваться дачною жизнью!».

П.А. Зеленый согласился и с предложением дачевладельцев об оказании городу займа без процентов на 10 лет, сочтя это «выгодным и единственным способом для скорейшего завершения дела благоустройства».

Б. Вальтух и Г. Маразли внесли по 5.000 рублей, Г. Шехтер – 4.000. По 2.000 руб. внесли С. Исаакович и М. Маврокордато (Маврокордато по имени Матвеев на Французском бульваре было два, один – Федорович, второй – Николаевич), остальные взносы были скромнее – от 1.000 до 100 рублей.

Кстати, именно Григорию Маразли, бывшему городскому голове и меценату, единственному в уважение к его заслугам пошли навстречу – бульвар стал не прямым, а изогнулся, огибая территорию любовно обустроенной дачи Маразли.

Проблемы были и с конно-железной дорогой – вначале планировался перенос ее только на одном участке, но линия получилась бы слишком изломанной. Городская дума принимает дальновидное решение: согласиться на предложение главного директора Общества одесских конно-железных дорог на полный перенос линии, с тем чтобы путь «был вполне приспособлен для движения по нем в будущем вагонов с электрическою тягой».

После переустройства бульвар расширили до 25 метров (до этого ширина была 17), замостили, провели электрическое освещение, телефон, газопровод и канализацию.

К моменту завершения работ «Мало-Фонтанская дорога» сменила название на «Французский бульвар». И если «крестной матерью» был инженер Василий Зуев (кстати, в 1915 году он выпустил книгу «Французский бульвар» с подробным рассказом о переустройстве), то «крестных отцов» у Французского бульвара сразу два – гласный Городской думы Василий Кандинский (отец знаменитого художника) и городской голова Павел Зеленый.

1 сентября 1901 года Городская дума решила переименовать в честь Франции одну из улиц: «Одесская Городская дума по предложению гласного В.С. Кандинского единогласно постановила: в ознаменование последнего посещения Франции государем им-

ператором и государыней императрицей и в знак признательности французскому народу за оказанный их величествам радушный прием наименовать одну из улиц г. Одессы «Французской», предоставив выбор таковой Комиссии по наименованию улиц».

Долго колебались в выборе – назвать так улицу или вообще скверик. Василий Кандинский, кстати, член Комиссии по наименованию улиц, считал, что Мало-Фонтанская дорога должна сохранить свое название «как имеющее историческое значение». Ускорил принятие решения ожидаемый приезд в Одессу президента Франции Эмиля Лубе.

И 25 апреля 1902 Городская дума «согласно предложению городского головы П.А. Зеленого в дополнение к своему постановлению от 11 сентября 1901 года за № 142 постановила: «Наименовать Мало-Фонтанскую дорогу Французским бульваром (Boulevard de France)».

В 1901 году путеводитель Ю. Сандомирского описывает Мало-Фонтанскую дорогу: «За юнкерским училищем начинается дорога к Малому Фонтану, идущая мимо целого ряда изящных, красиво устроенных вилл. По дороге к Малому Фонтану расположены наиболее роскошные дачи. Таковы: дача Маразли, Одесская санатория, а также чрезвычайно эффектное здание завода товарищества «Генрих Редерер», особенно красивое по вечерам. Здесь же находится школа Общества садоводства, построенная на земле г. Маразли».

А вот более эмоциональное описание уже переименованного бульвара в путеводителе Григория Москвича за 1904 год:

«Малофонтанская дорога, переименованная недавно во Французский бульвар. Начинаясь у Старопортофранковской улицы красивой аркой, дорога пролегает по весьма благоустроенной и красивой дачной местности и тянется на протяжении около 4 верст. По обе стороны дороги расположились роскошные дачи местных крезов. Стройные и изящные дома и домики красивой дачной архитектуры причудливо вырисовываются на фоне богатейшей растительности, утопая в тени дорогих древесных пород. Всюду царят чистота, порядок и самая педантичная заботливость о сохранении в наилучшем виде этого выхоленного участка... Сюда направленно внимание города и частных владельцев.

Бульвар отличается большим оживлением – то и дело мчат в различных направлениях роскошные экипажи, фаэтоны и пролетки, запряженные тысячными рысаками, пыхтящие и шипящие автомобили, легкие велосипеды и, наконец, бесконечный ряд «конок». Все это переполнено нарядной, по-праздничному одетой публикой. Пеших мало, но зато у ворот, калиток и просто решеток дач – целые живые цветники изящных дам и девиц, поджидающих своих знакомых и этому времяпрепровождению своего дачного *far niente* отводящих не мало времени. Нигде, кажется, в Одессе не встретишь столько фешенебельной и аристократической публики, как здесь. Блеск и шик, который не без основания приписывается одесситам, в летнее время проявляется всю именно на этой дороге.

Забавно, но всего через пять лет, в пятом издании путеводителя Москвича, описание бульвара будет намного короче и суше: возможно, дамы и девицы возмутились и потребовали от автора убрать текст о «дачном времяпрепровождении».

В этом издании путеводителя добавлены еще две рекомендации: для жаждущих окунуться в море и для больных, чающих исцеления.

«Обширный район Малого Фонтана <...> имеет много привлекательного для состоятельных больных, нуждающихся в морском купании и в хороших условиях жизни, среди которых первое место принадлежит идеально чистому морскому воздуху и высокому уровню санитарии и гигиены. Дачи этого района отличаются именно такими условиями. Огромная площадь в несколько верст, расположенная на возвышенном плато обрывистого морского берега, сплошь утопает в роскошной зелени дорогих пород деревьев и декоративной растительности. Дачные дома все из камня и крыты железом, всюду – водопровод и, за малым исключением, канализация. Благодаря сравнительной дороговизне дач население исключительно зажиточное, и о той скученности, в которой ютится беднота, не может быть и речи. С другой стороны, близость большого города и огромное оживление, вносимое многочисленными, сплошь заселенными дачами, разумные семейного характера развлечения, которые ежедневно имеют место на <...> Малом Фонтане, – составляют

как нельзя более подходящие условия для человека не столько больного, сколько ищущего отдохновения и укрепления организма и нервов».

Но путеводитель предупреждает: «Длинная береговая полоса в несколько верст, принадлежащая к дачной местности, носящей название Малофонтанской дороги (Французский бульвар) <...> составляет частную собственность, а прекрасное купание доступно здесь лишь дачникам. Общественные, довольно сносные купальни <...> находятся на Малом Фонтане (дача Дунина). Прекрасное купанье, но неудобное для городских жителей благодаря своей отдаленности от города (4 версты) и далеко не идеальному сообщению по конке. Купальни Малого Фонтана привлекают из города довольно мало публики и обслуживают жителей Малофонтанской дороги, проживающих на не приморских дачах».

К слову, о конке и трамвае. Трамвай появился здесь в 1911 году, сменив конку. В 1914 на «Особом» маршруте электрического трамвая «За проезд по линии «Малый Фонтан» взимается: а) 5 коп. за один конец от Преображенской у. до дачи Вальтуха; от дачи Рено до берега моря на Малом Фонтане, от дачи Г.Г. Марзли по линии, идущей по Лагерному переулку до Аркадии и до конечного пункта Аракадийской линии у берега моря; и б) 10. коп. за один конец по всей линии с правом пересадки на линию Лагерный переулок до Аркадии».

«Французский бульвар есть самая благоустроенная местность из окрестностей города. Он имеет всюду водопроводы, электрический трамвай, телефоны, электрическое освещение, расширенную прекрасную дорогу с широкими аллеями. Шоссе вполне благоустроено и покрыто гудронажем, что делает дорогу эту весьма приятной, бесшумной и без пыли», – писал городской инженер Василий Зуев в 1915 году.

Кстати, гудронаж (асфальтирование) впервые применили в Женеве 17 июня 1904, а в Одессе через девять дней, 26 июня того же года.

По широким аллеям гуляли барышни с кавалерами, и любовь кружила головы не хуже шампанского, пусть и не французского, а одесского, но с завода «Общества Генриха Редерера» на Французском бульваре. Можно, впрочем, выпить и вина из погребов

Удельного ведомства, которое располагалось в начале бульвара. Иван Бунин, например, предпочитал его всем остальным, и за столом «забирал в полное свое распоряжение одну бутылку красного удельного, а остальное – как хотят», – свидетельство Валентина Катаева из повести «Трава забвения».

Но не все любят вино. «Меня посылали за пивом <...> – Нет, нет, только не Енни! – кричал папа вдогонку. – Санценбахера!» – вспоминал Юрий Олеша.

Пиво Санценбахера разливали в фирменные бутылки и кувшины на углу Французского бульвара и Ботанического переулка на заводе, основанном в 1890 году Вильгельмом Санценбахером. Продавалось оно в бутылках темного и светлого стекла или в фаянсовых кувшинах, и на всем, вплоть до пробок, была надпись «Пиво Санценбахера». Ожидая важных гостей, тетюшка Вали Катаева покупает «коробку сардинок, полфунта очень дорогой московской копченой колбасы в серебряной бумаге, швейцарского сыру со слезой и две длинные бутылки пива Санценбахер с фарфоровыми пробочками на проволочных конструкциях».

Направляясь в гости, могли одесситы купить подарок для хозяйки дома в Торговом доме братьев Брун с заманчивым названием «Царство цветов».

А фейерверк для гостей можно было устроить, приобретя все необходимое на том же бульваре, на фабрике. «Она находилась за глухим каменным забором в приморском переулке, выходящем на Малофонтанскую дорогу. Забор был выбелен мелом, и во всю его длину тянулась надпись черными буквами в рост человека: «Пиротехническое заведение «Фортуна», – вспоминал В. Катаев. Память немного подвела писателя – точное название заведения «Фортуна» Одесская пиротехническая лаборатория О.В. Кутаха на Французском бульваре, 14.

А неподалеку от завода Генриха Редерера было футбольное поле Спортинг-клуба, на котором забивали фантастические голы великолепный Григорий Богемский и подающий надежды гимназист Юрий Олеша:

«Мы, гимназисты, шли по Французскому бульвару и сворачивали в переулок, где виднелась вдали воздвигнутая с целью рекламы гигантская бутылка шампанского... <...> Французский

бульвар это, скорее, в пригороде Одессы, гигантская же бутылка стояла за серым забором, среди лопухов, бурьяна, и рекламировала не саму продажу шампанского, а просто указывала, что поблизости его склад. <...> Пыль, солнце склоняется к западу, воскресенье... В середине переулочка – толпа, давка. Там широкие деревянные ворота, которые вот-вот вдавятся вовнутрь, лопнут под натиском желающих проникнуть на... стадион? Нет, тогда еще не употреблялось это слово. Просто – на матч!»

Но все же дач на Французском бульваре было во много раз больше, чем заводов. Уже говорилось о проблемах с нумерацией, с которыми легко разобраться лишь Александру Македонскому. Даже справочная книга «Вся Одесса на 1912 год» в разделе «Дачи по берегу моря. Французский бульвар» дает не номера, а нумерованный перечень владельцев дач по берегу моря и по правой стороне.

По берегу моря были расположены 129 дач. Среди владельцев фамилии людей, известных в Одессе (или их наследников): скульптора Марка Молиари, полковника Николая Шамраевского (с сестрами Шамраевскими дружил В. Катаев), княгини Елены Сан-Дonato, купца Якова Рабиновича, Марии Мазировой, Агаты, Фани и Давида Вальтухов (как пелось в песенке «Коло Вальтуха больницы....»), Михаила Рено, Федора Панаиотти, купца 1-й гильдии Ушера Сигала, наследников Руссова (владельца картинной галереи и домов на Софиевской улице и Соборной площади), банкиров Ашкенази, Аркадия Бродского, Павла Котляревского, Энты Менделевич, Константина Черепенникова, Александра Дунина (возле дачи которого находились рекомендованные путеводителем Г. Москвича купальни), наследников Григория Маразли, Александра Анатра, Минкуса, Александра и Владимира Трапани, купца 1-й гильдии Иосифа Конельского.

По правой стороне среди 66 участков были: Дом Инженерного ведомства, Одесский госпиталь, Главное управление уделов, Еврейский сиротский дом (очевидно, 2-й еврейский сиротский дом имени Леона и Луизы Финкельштейн, открытый в 1910 году; в другом месте приводится его адрес – Французский пер., 8), Товарищество Санценбахер. Два участка принадлежали Бельгийскому обществу трамваев, были дача владельцев знаменитой аптеки

А. Гаевского и А. Поповского (одна на двоих), участок Французского благотворительного общества, дача ювелира Иоахима Биска (его сын Александр был одним из первых переводчиков Р.М. Рильке на русский язык), дачи Софии Фальц-Фейн, купца 1-й гильдии Матвея Маврокордато, Григория Елисеева (она же бывший завод Г. Редерера), Училище слепых, дачи Ариадны Мартыновой, Александра и Николая Брунов, барона Георгия Фредерикса (наследника Г.Г. Маразли), Александра Дунина, братьев Дмитрия и Михаила Биязи-Мавро.

У некоторых владельцев были дачи по обе стороны бульвара – у М. Молилари, Г. Маразли, А. Дунина, А. Поповского.

Особняки и дачи Французского бульвара построены лучшими архитекторами Одессы: Александром Бернардацци, Львом Влодеком, Феликсом Гонсиоровским, Адольфом Минкусом, Федором Тroupянским, Павлом Клейном, Викентием Прохаской.

И вновь слово верному рыцарю Французского бульвара – Валентину Катаеву:

«По пыльной Малофонтанской дороге тащится конка – летний вагон, занавешенный с солнечной стороны полотняной шторой. По обе стороны – виллы одесских богачей: вилла Маврокордато – каменная серая стена, как бы составленная из глухих арок с вазами наверху, за которыми угадывается роскошный южный сад... Против нее вилла Маразли – кованая железная решетка, сквозь которую видна какая-то итальянская растительность – может быть, пинии! – и огромный яркий газон, окруженный каймой алых гераней, а посередине газона отличная, в натуральную величину мраморная копия знаменитой скульптуры «Лаокоон»: отец и два сына, удушаемые змеями, ползущими по их атлетическим телам с напряженными мускулами.

...И еще вдали какие-то мраморные античные статуи, особенно белые на фоне пламенного моря с хвостом темного паровозного дыма...»

О даче Григория Маразли писали много и охотно. «Лучшая дача по дороге к Малому Фонтану г. Маразли, с дорогой роскошной оранжереей; в особенности же прекрасна нижняя часть дачи над самым морем, с великолепной верандой над морским обрывом», – из путеводителя Ю. Сандомирского 1901-го года.

В 1907 году художник П. Нилус пишет пейзаж не кистью, а словами: «...что особо пленяет в этом парке – это широкие простые линии плана, группировка деревьев, кустов среди газонов, среди цветов, часто подобранных с истинным пониманием гармонии красок. Ничего мелкого, утомительно сложного – во всем благородная простота, недюжинный размер. А среди мягких пятен зелени мелькает мрамор статуй глубокими белыми пятнами, кажущимися такими прекрасными».

Уже после смерти Григория Маразли его наследник, барон Фредерикс, заказал архитектору Дмитренко проект въезда на дачу и ограды. И в конце 1914 года Французский бульвар украсила еще одна ограда. Увы, и она не сохранилась, увидеть ее можно лишь на открытке.

«Можно сложить поэму бульвару, где узорные решетки барельефных оград, гранитная мостовая, особняки бывших вилл, дворцов, арка с эмблемой «Франция – Россия», дача Маразли с пугающим и заставляющим разыграть воображение местным преданием и вновь виллы греческих негоциантов, утопающие в зелени чинар или акаций», – писал протоиерей Александр Кравченко в конце XX века.

Увы, поэма эта будет грустной. В начале XX века Василий Зуев мечтал: «Французский бульвар – ближайшая и элегантная окраина города, и ему предстоит в ближайшем будущем застраиваться, и, конечно, он должен и будет застраиваться только по новому типу [открытого застроения]. Какой уютный, красивый и законченный вид принимает зеленая от растительности и залитая солнцем улица. Впечатление от такой улицы получается особенно приятное, и общая картина зелени с выделяющимися богато освещенными, отдельными, свободно стоящими зданиями как-то особенно хорошо действует на человека и благотворно влияет на всю его нервную систему. Всюду чувствуется простор, воздух и свет!»

Но тот же Зуев мрачно говорил о уже начавшейся неправильной застройке, об «ужасной брандмауэрной стене, совершенно не подходящей для данной местности», о глухой стене дома, «существование которой как бы намечает будущий тип сплошного застроения сего места» (речь идет о доме Рабиновича,

Французский бульвар, 116), и предсказывает ужасную застройку всего Французского бульвара, грозя превратить его в обыкновенную городскую улицу». Увы, мрачные прогнозы сбываются чаще, чем хотелось бы.

И Французский (Пролетарский) бульвар, символ Одессы, остается лишь в нашей памяти, памяти детства и юности. В открытые окна трамвая заглядывают ветви деревьев, улыбаются лавы с оград, спускает разомлевших от жары людей к морю лифт, смыкается над головой арка деревьев. И совсем неподалеку – море, вечное, неизменное.

«Ограды дач еще в живом узоре в тени акаций. Солнце из-за дач глядит в листву. В аллеях блещет море...»

Еще в живом узоре...

